

История «МК» глазами очевидца

Известный журналист, теле- и радиоведущий, автор книг по психологии Владимир Шахиджанян рассказывает о своей работе в «Московском комсомольце» в 1960-е. Начало его воспоминаний читайте здесь .

Чудаков – это не псевдоним

У Алика Гинзбурга был друг – Сережа Чудаков.

Этот Сергей Чудаков заходил в «Московский комсомолец» чуть ли не ежедневно. Он был странным человеком. Я сначала думал, что Чудаков – это его псевдоним. Нет, подлинная фамилия.

Чудаков поражал гениальной памятью. Во-первых, он помнил невероятное количество стихов. Интересно рассуждал о кино, о котором знал абсолютно все: фамилии режиссеров, сценаристов, операторов, биографии всех актеров, мог легко пересказать сюжеты фильмов – от немого кино до современных...

Он иногда свои статьи подписывал псевдонимами, используя фамилии вполне реальных людей, в основном девушек, с которыми у него возникали романы. Девушки (в чем секрет – непонятно) западали на Сергея Чудакова. Он действовал на них гипнотически.

И вот однажды написал большую статью о поэтах Серебряного века. Статья умная, талантливая, неординарная, но подписал он ее именем своей очередной подруги. Статья привлекла внимание Бориса Слуцкого, и он решил с автором познакомиться. Разыскал девушку и спросил:

– Где вам удалось так близко познакомиться с Гумилевым, Мережковским, Оцупом?..

Она не дала ему возможности произнести весь список. Она ответила тут же:

– С поэтами? В ЦДЛ, наверное. А может быть, в Доме кино...

У знаменитого поэта Бориса Слуцкого желание общаться с «автором» статьи о поэтах Серебряного века тут же пропало.

Да, таким был Сергей Чудаков. Неприкаянным, странным, энциклопедически образованным, обладающим почти гипнотическим влиянием на других.

Он был нервным, порой капризным, иногда обидчивым и всегда непредсказуемым. Чудаков непонятным путем проходил на самые закрытые просмотры в Доме кино, в Союзе кинематографистов, на «Мосфильме» и даже в Госкино. Сначала его пытались выдворять с этих просмотров, но потом поняли, что это обходится себе дороже, и с ним смирились.

Время от времени Сергей писал о кино. Я, кстати, отвечал в «Московском комсомольце» за кино и выпускал на страницах газеты полосу «Клуб друзей кино» – «КДК».

Помню, Сережа написал классную рецензию на испанский фильм «Королева «Шантеклера». Разругал его в пух и прах. И сделал это доказательно, остроумно, любопытно, интересно.

Владимир Евтихианович Баскаков, заместитель председателя Госкино, устроил жуткий скандал. Режиссер – коммунист, специально его фильм купили, решили показать, проследили, чтобы не появилось плохих рецензий, и вдруг такое.

Рецензию признали ошибочной, идеологически вредной. Главного редактора газеты «Московский комсомолец» обвинили в политической незрелости. Вот так и сняли Алексея Ивановича Флеровского с работы...

Конечно, сняли не за рецензию – это был только повод. Сняли за

вольнодумство, за непокорность, сняли за отсутствие «чего изволите?».

На некоторое время Алексей Иванович оказался без работы. Потом его взял к себе в штат в журнал «Журналист» Егор Яковлев. Затем Егора Яковлева убрали из журнала. Убрали и Алексея Флеровского.

Когда в годы перестройки Егор Яковлев возглавил «Московские новости», он на должность ответственного секретаря пригласил Алексея Флеровского.

Об А.И.Флеровском все работавшие с ним вспоминали всегда с придыханием: какой редактор, какой человек, какая личность, какой журналист, какой организатор!

Алексей Флеровский женился на Татьяне Ляхно (или Лехно, не помню ее фамилию точно). Она же до этого была, если я не ошибаюсь, Татьяной Ивановой, стала Татьяной Флеровской. После развода с Алексеем Ивановичем она взяла фамилию нового мужа и стала Баженовой (вышла замуж за фотографа). Сын у нее хороший, работает сейчас на телевидении.

Не знаю, жива или нет Татьяна. В молодости она обладала потрясающим обаянием и красотой. Просто актриса. Улыбалась, разговаривала интересно, всегда ее слушали, и, по-моему, Алексеем Ивановичем она управляла, заправляла, руководила.

Потом они, к счастью или к сожалению, расстались. О романе (а потом женитьбе) Татьяны и Алексея в редакции судачили.

В редакции многие сходились, расходились. По-моему, опережал всех Александр Яковлевич Аронов, Саша Аронов. Умный, добрый, нежный, благородный, талантливый, взрывной, невероятно обидчивый, тут же, к счастью, отходчивый... Прекрасный педагог, замечательный журналист, удивительный литератор, потрясающий поэт, хороший публицист.

Отдел школ, которым руководил Саша Аронов, стал одним из

лучших в редакции. Евгений Сидоров тогда уже перешел из «Комсомольца» в «Литгазету».

За комсомольских функционеров, секретарей обкомов и горкомов нередко писали тексты (как статей, так и публичных выступлений) Роман Карпель и Борис Иоффе.

Мы смотрим кино

Поскольку я отвечал в редакции за кино, то старался смотреть как можно больше фильмов, чтобы быть в курсе.

В Дом кино не всегда удавалось попасть: вечерние дежурства. И я организовал (Алексей Флеровский подписал по этому поводу несколько писем-ходатайств в разные инстанции) так, чтобы нам давали фильмы для просмотра в редакции.

В издательском корпусе был небольшой зал, и «Московский комсомолец» разрешал сотрудникам других редакций проходить на наши просмотры. О кино мы писали много, часто и достаточно интересно.

Чаще всего с рецензиями выступала Валентина Иванова. Она великолепно знала советское кино, а также итальянское и французское. Ее рецензии всегда читались на одном дыхании.

В то время в Москве родилось движение любителей кино. Один из первых клубов в Москве был организован при «Московском комсомольце» и кинотеатре «Колизей».

«Колизей» (теперь в этом здании театр «Современник») находился напротив «Московского комсомольца» на Чистопрудном бульваре. Потом (я уже не помню, почему) «Колизей» отказался от нас, и мы перешли в кинотеатр «Форум».

Мы достали для просмотра фильм «8 1/2» («Восемь с половиной») Федерико Феллини. Билеты распространялись только среди редакционных работников.

Но сработало сарафанное радио. И при подходе к кинотеатру я

увидел огромную толпу. Все пришли в надежде найти лишний билетик.

В то время около кинотеатра «Форум» на Самотеке строили эстакаду. Стоял большой длинный забор, отделяющий стройку от проезжей части. И тут произошло жуткое: толпа надавила на забор, забор упал. К счастью, никто серьезно не пострадал. Однако шум был большой:

– Кто разрешил показывать фильм? Кто это все организовал?!

– Шахиджанян.

Меня вызывали, честили, ругали, кричали, угрожали, но потом как-то это все обошлось.

Холодильник

Зарплаты в «МК» традиционно были маленькими, да и гонорары копеечными. Зато относительная свобода мысли и письма.

Ни у кого не было денег. Я тоже был безденежным и постоянно у всех занимал. Сегодня займу у одного, завтра у другого, причем занимать приходилось всегда чуть больше, чем это делал вчера. Ведь надо было отдать долг и оставить на обед. Обед стоил, если я не ошибаюсь, восемьдесят или девяносто копеек в хорошей столовой, которая находилось, если не ошибаюсь, на втором этаже издательского комплекса на Чистопрудном бульваре.

Помню, однажды я обошел сотрудников всей редакции, но никто в долг не дал. Все оказались сами на мели.

Копеек двадцать пять у кого-то мне занять удалось. Этого хватало на гречневую кашу. Я пошел в столовую есть гречку.

Тут я увидел, что принесли газету с лотерейной таблицей. У меня был один лотерейный билет. Я проверил – о, радость! Я выиграл холодильник за 250 рублей!

Об этом тут же стало известно всей редакции. Мне все наперебой

предлагали выпить и обмыть этот холодильник.

«Гады, – подумал я. – Как дать мне на обед, так ни у кого денег нет, а как на выпивку – все готовы потратиться».

Сказал, что холодильник мне не нужен, у нас дома неплохой холодильник «Саратов», и если кому нужно, я готов холодильник продать, то есть отдать лотерейный билет за 250 рублей минус выпивка, которую, если мы организуем, пусть будет за мой счет.

Тут же у кого-то нашлось, по-моему, рублей пять, и мы отправились на Мясницкую улицу в недорогое кафе и там устроили замечательный пир с прекрасной выпивкой, вкусной едой и отличным десертом.

Вакантное место

Когда ушел из «МК» Алексей Иванович Флеровский, в редакции настала сложная пора.

Многие хотели возглавить газету. Ждали, что партийные органы пришлют своего редактора.

Одна кандидатура, вторая, третья, но всегда находились люди, которых эти кандидатуры не устраивали.

Исполняющим обязанности редактора временно поработал Игорь Бугаев, затем его сменил Евгений Бебчук, после (опять же и.о. главного редактора) стал Александр Шифрин.

Среди заместителей главного редактора был Михаил Шпагин. Мы с ним подружились, часто бывали друг у друга дома. Вместе гуляли: я со своими детьми, он со своими.

Михаил Шпагин – философ по натуре. Думаю, что он хотел стать главным редактором, но тщательно это скрывал. Где-то что-то не срослось, и он остался вечным замом. А потом перешел на работу в одно из издательств, где ему поручили в качестве главного редактора создавать новый журнал для детей, с чем он блистательно справился.

В редакции Михаила Шпагина любили. Во-первых, за профессионализм, во-вторых, за справедливость, в-третьих, за личное обаяние и в-четвертых, за точность данному слову. Если Михаил Шпагин что-то обещал, это всегда выполнялось.

И больше всего мне запомнился заместитель главного редактора Виктор Липатов. Мы с ним сдружились, я нередко заходил к нему домой. Он жил недалеко от проспекта Мира.

Честность, искренность, благородство – это самые главные черты характера Виктора Липатова. А еще – ироничность. Ироничный взгляд, ироничная улыбка, ироничное отношение ко многому.

Я хотел, как и многие в редакции, чтобы Виктор Липатов стал главным редактором в «МК». Но мало ли что хотели сотрудники! Горкому и обкому комсомола виднее. Как, впрочем, виднее горкому и обкому партии.

Виктора Липатова послали работать заместителем главного редактора в журнал «Юность».

И, наконец, стабильность – прислали Аркадия Удальцова. А вместе с ним появилась в редакции и Наталья Дардыкина.

Она, учительница русского языка и литературы, возглавила отдел культуры.

Не дразните гусей

Я из газеты ушел и вернулся в качестве автора, когда «Московский комсомолец» возглавил Евгений Аверин.

В редакции царил дух взаимопомощи. Редакция верила, что она может отстоять судьбу любого человека.

В «МК» всегда было много тематических полос.

Леонид Трахтенберг, его спортивная полоса. Я знаю, что в мире спорта у Леонида Трахтенберга был непререкаемый авторитет.

Блистательную полосу по науке делал Юрий Альперович.

Из сотрудников того времени мне запомнился Борис Евсеевич Иоффе. Он когда-то заведовал в «Московском комсомольце» отделом информации. Это он открыл миру великую певицу Елену Камбурову. Добродушный человек, он подписывался псевдонимом Евсеев.

– А что, свою фамилию не любите? – спросил я его. – Иоффе – великий физик. Жена Аркадия Райкина – тоже Иоффе.

– Ну зачем гусей дразнить? – ответил мне Борис Евсеевич. – Антисемиты были, есть и будут. Евсеев – проще, спокойнее.

Самого антисемитизма, кстати говоря, в редакции не ощущалось. Еврей, не еврей – это без разницы. Главное, чтобы писал хорошо и человек был приличный. Хотя помню, как Саша Шифрин мне сказал однажды:

– Пятый пункт оказался существенной преградой для моего редакторства.

И это, как я понимаю, было действительно так.

Петр Коган – это отдельная история.

Он пришел в литературный отдел застенчивым мальчиком, юношей. Писал хорошо, много и быстро.

Разбирался в поэзии, неплохо знал театр. Хорошо образованный, эрудированный, он отлично говорил: образно, точно, доказательно, убедительно. Так же и писал.

Мечтал уехать за границу. Мечтал. У него была жена-француженка, и он сказал, что будет с ней, хотел ее провожать в Париж. Нельзя было. Они вынуждены были дожидаться, чтобы она забеременела. Жену в положении сопровождать разрешалось. Они вместе уехали в Париж, и там он и остался.

Много лет прошло с тех пор.

Я трудился в МГУ, преподавал на кафедре теории и практики

партийно-советской печати. «Тыр-пыр» коротко называлась наша кафедра. Заведовал ею Евгений Блажнов, а его жена работала в «Московском комсомольце».

Мои студенты работали в различных редакциях, в том числе и в «Комсомольской правде».

Однажды я пришел в «Комсомольскую правду» повидаться с моими студентами и увидел в одном из отделов славного юношу.

– Вы давно работаете в газете? – спросил его. – Что-то я вас никогда не встречал.

Он ответил:

– Я приехал из Франции, из Парижа.

– Каким образом? – поинтересовался я.

– Мой отец устроил, чтобы меня можно было послать сюда, в редакцию. Он хотел в «Московский комсомолец», но не получилось там. Он раньше работал в «Московском комсомольце».

– Как ваша фамилия?

– Коган.

Вот такая была встреча с сыном Петра Когана.

В «МК» во все времена оставалось главное – любовь к газете тех, кто в ней работал, полное уважение (неважно, штатный ты или на договоре) со стороны коллег.

Именно в этой газете начал работать мой сын. Он пришел в нее в 1985 году. С 1987-го был на договоре. Ушел в армию, вернулся и снова оказался в «МК».

Сейчас он работает в другой газете. Когда мы нередко встречаемся с моим сыном и вспоминаем его и мою молодость (сыну уже 50 лет, а мне 80), всегда говорим о «Московском комсомольце», который сделал наши биографии.

Владимир Шахиджанян

